

Чай Цзыжань усмехнулся. Главных головных болей у него и так хватало, а после того как Мо Цзюцзюнь всё запутал, их прибавилось. Он беспечно растянулся на прохладной земле. — Кто бы это? — С интересом покосился на Юань Хана. — Неужто Цзинь Синь? Или Лань Чуфу с Лань Чучу? А может...

Чай Цзыжань не успел договорить, как Юань Хан выпалил ответ:

— Принцесса Цинлань здесь...

Чай Цзыжань фыркнул. — Подумаешь, кто. Та самая девчонка, что всё хочет помолвку разорвать, да всё не решается. Может, она просто говорит, что ненавидит меня, а на деле любит, да ещё как!

Юань Хан молча уставился в одну точку, заставив Чай Цзыжана тоже посмотреть туда. Первым делом он увидел трясущуюся от ярости Фэн Сяосяо, затем — скорбного маркиза Чанпина и, наконец... ухмыляющегося Мо Цзюцзюня!

Чай Цзыжань мигом вскочил, несколько раз перевёл взгляд с Мо Цзюцзюня на виноградные лозы над головой, затем ущипнул Юань Хана. Тот взвыл от боли. — Господин, зачем щипаетесь?

Чай Цзыжань с непоколебимой уверенностью заявил:

— Не ущипну тебя — как пойму, сон это или нет?

Фэн Сяосяо шагнула вперёд, выдернула ещё не облиственную виноградную лозу и что есть силы треснула ею Чай Цзыжана. — Ну что, понял теперь, сон это или нет?

Чай Цзыжань в ступоре рухнул на землю, закрыл глаза с видом полной безысходности и провозгласил:

— Не больно. Значит, всё-таки сон.

Юань Хан простонал:

— Господин, мне-то больно!

Чай Цзыжань парировал:

— Это потому что мне приснилось, будто тебе больно. — Тихо дёрнул его за рукав. — Спи, спи, спи. Уснёшь — и пройдёт.

Юань Хан послушно улёгся рядом с господином, сложил руки на груди, закрыл глаза и заснул с видом безмятежного блаженства.

Фэн Сяосяо изо всех сил пнула Чай Цзыжана в бедро. — Мерзавец! Смеешь притворяться мёртвым? Я тебя сейчас! — Она занесла ногу для второго удара, но Мо Цзюцзюнь уже встал между ними, преградив путь. — Дело прежде всего.

Голова Фэн Сяосяо гудела от наглых речей Чай Цзыжана. Она тут же выхватила монету Жуи и рывкнула:

— Развод! Развод! Развод! Пёс Чай, я с тобой развожусь!

Чай Цзыжань резко открыл глаза, потирая ушибленное бедро, и радостно воскликнул:

— Так это не кошмар, а прекрасный сон!

В горле у Фэн Сяосяо застрял ком. Видя, что он хочет разрыва ещё сильнее её, она раздражённо спросила:

— А ты-то почему хочешь?

Чай Цзыжань ответил:

— Потому что ты хочешь!

Лицо Фэн Сяосяо просветлело. Оказывается, он лишь поддакивает. Хоть какое-то самоосознание.

Чай Цзыжань продолжил:

— Честно говоря, ты мне всегда была не по нутру. Толпы поклонников, вечно ко мне пристаёшь... Я много лет хотел разорвать, да из уважения к твоим родителям не решался. Вот и старался тебя бесить, чтобы ты сама отказалась. — Он серьёзно поднялся, сложил ладони и трижды поклонился в сторону столицы. — Спасибо тебе, Небо, что наконец-то образумилась.

Фэн Сяосяо, выросшая в знати, повидала наглцов, но такого виртуоза бесстыдства встречала впервые. Едва не подавилась от ярости. — Так это всё моя вина?

Чай Цзыжань нагло подтвердил:

— Принцесса Цинлань, вы необычайно проницательны.

Фэн Сяосяо впервые в жизни горько пожалела, что не занималась боевыми искусствами. Вот бы сейчас заехать ему по щеке, чтобы раз и навсегда заткнул свою грязную пасть.

Тут маркиз Чанпин, до сих пор остававшийся невидимкой, вклинился между ними, пытаясь примирить. — Остыньте, остыньте! Такие дела нужно обсуждать обстоятельно, без спешки. — Он почтительно обратился к Чай Цзыжаню:

— Цзыжань, не серчай на мою дочь. Красивая, желанная — сама не рада. Не нравятся поклонники — женись поскорее да забери её! — Повернулся к Фэн Сяосяо:

— А-нуй, Цзыжань — муж хоть куда, не горячись...

Не дав ему договорить, Фэн Сяосяо, у которой уже дым из ушей шёл, швырнула монету Жуи на землю. Раздался звонкий «бдынь!», монета разлетелась на куски под аккомпанемент её крика:

— РАЗВОД!

Теперь отступать было некуда.

Мо Цзюцзюнь изрёк:

— Монета Жуи разбита, связь между А-жанем и Фэн Сяосяо прервана. Ударьте по рукам в знак обета. Отныне каждый волен вступать в брак по своей воле.

Двое, не желавших более быть связанными, сделали несколько шагов навстречу. Между ними лежали осколки. Взгляды были чисты от посторонних мыслей. Каждый протянул руку.

Маркиз Чанпин вытаращил глаза, сердце готово было выпрыгнуть. Он уже открыл рот, но Суй Фэн мягко прикрыл ему ладонью уста и оттащил за спину Мо Цзюцзюня. Мо Цзюцзюнь провозгласил:

— Первый удар — покончено с прошлым.

Их правые ладони встретились в воздухе с громким хлопком.

Мо Цзюцзюнь продолжил:

— Второй удар — покончено с нынешней судьбой.

Едва слова слетели с его губ, они спокойно ударили во второй раз.

В холодных глазах Мо Цзюцзюня мелькнула мягкость, уголки губ поползли вверх. — Третий удар — покончено с будущими узами.

Ладони встретились в третий раз. Оба с облегчением выдохнули, словно сбросили тяжкий груз. Фэн Сяосяо бросила на Чай Цзыжана взгляд. — С этого дня не смей говорить, что я тебя любила.

Чай Цзыжань ответил с ухмылкой:

— Конечно-конечно. Это я тебя любил. Но знал, что я тебе не мил, вот и ушёл ради твоего же счастья. — Сбросив с лица легкомыслие, он сложил руки в почтительном жесте. — Сяосяо, ты славная девушка. Обязательно найдёшь того, кто будет тебя ценить. Не трать время на такую грязь, как я. Я того не стою.

Слова эти можно было понять превратно. Особенно для ушей Фэн Сяосяо они звучали так, будто это она безумно влюблена, а он её вежливо отвергает. С помолвкой покончено, и гнев в сердце Фэн Сяосяо поутих. Она бросила ему:

— Бессовестный! — Девушка с толстой кожей схватила за руку отца, у которого на глазах навернулись слёзы, и потянула за собой.

Маркиз Чанпин высунулся из-за спины Мо Цзюцзюня. Чем больше смотрел на Чай Цзыжана, тем сильнее щемило сердце. Но в жизни есть вещи, которых не добиться силой. Он лишь вздохнул и смирился. Однако в душе оставалась горечь. Он с упадническим видом взглянул на Мо Цзюцзюня. — Знаю, насильно мил не будешь. Но знаю и то, что отнятый силой пампушок не обязательно твой.

Мо Цзюцзюнь пребывал в прекрасном расположении духа, в глазах вспыхнул необычный блеск. — Пусть даже не обязательно мой, но уж точно не твой.

— Ты-ты-ты-ты-ты... — Маркиз Чанпин «тыкал» некоторое время, но так и не выдавил второго слова. Впервые за долгую жизнь он с досадой махнул рукавом и удалился.

Чай Цзыжань знал, какие надежды маркиз Чанпин возлагал на него, хоть и не понимал, откуда они взялись. Но он эти надежды обманул. Он подбежал, преградив маркизу путь, опустился на колени и трижды поклонился. Подняв голову, он сказал с необычайной серьёзностью:

— Племянник благодарит дядю за многолетнюю заботу. Но с принцессой Цинлань нам не по пути. Я обманул ваши ожидания и глубоко сожалею. Мне нечего добавить, кроме того, что ваш зять, «дракон, что молчит, но возгласит — взмывает к небесам; орёл, что не кружит, но взлетит — обрушится на землю», — это не я. Я всего лишь Пёс Чай, никчёмный Адоу*, мелкая сошка, ни на что не годная.

Маркиз Чанпин тихо вздохнул, похлопал его по плечу и поднял. — Я никогда в людях не ошибаюсь. — На лице его всё ещё читались сожаление и скорбь. Увы, величественные дракон и орёл не имели к его дому никакого отношения!

Чай Цзыжань смотрел, как иссохшуюся фигуру маркиза Чанпина, поддерживаемую Фэн Сяосяо, уносило вдаль. В ушах звучал его бормочущий голос:

— Жаль! Жаль! Такого зятя упустил! «Дракон молчит, но возгласит — взмывает к небесам; орёл не кружит, но взлетит — обрушится на землю!»

Фэн Сяосяо, кажется, расслышала его слова и, недовольная, что-то сказала, но Чай Цзыжань уже не разобрал слов.

*Адоу — исторический/литературный аллюзивный образ. Адоу (Лю Шань) — слабый и нерешительный правитель царства Шу эпохи Троецарствия, часто используется как символ человека, которого невозможно «поставить на ноги» или чему-либо научить («поднять на стену»).

<http://bllate.org/book/15931/1423858>